

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 80; 81.27; 81.42
DOI 10.17223/18137083/61/15

И. Е. Ким, И. В. Силантьев

*Институт филологии СО РАН, Новосибирск
Новосибирский государственный университет*

Сфера общения и дискурс: терминологическая избыточность или сущностное различие?

Рассматривается отношение между двумя терминами, используемых для обозначения близких явлений в речевой коммуникации: сферы общения и дискурса. Выявив отношение этих двух понятий к наиболее важным понятиям речевой коммуникации – речевому событию, речевому действию и высказыванию, авторы приходят к выводу о том, что дискурс и сфера общения обозначают разные коммуникативные сущности. Дискурс представляет собой открытое множество высказываний, тип речевой практики, определенный социально-культурными условиями общения. Сфера общения – это одно из социально-культурных условий, область жизнедеятельности, в которую погружена коммуникативная ситуация. Таким образом, сфера общения и дискурс – принципиально различные коммуникативные реалии. Видимость сходства им придает то, что они представляют собой результат типизации коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: термин, дискурс, сфера общения, высказывание, речевое событие, речевой жанр, речевой акт.

В современной лингвистике, речеведении и, шире, филологии, для упорядочения речевой практики активно используются два термина, которые, как нам кажется, некоторым сложным образом пересекаются. Это понятия *дискурса* и *сферы общения*. При этом складывается ощущение, что эти понятия используются по принципу контрастной дистрибуции: термин «сфера общения» используется одним кругом лингвистов, а слово «дискурс» применяется в другом кругу. Понятия неравномерно распределены по научным направлениям современной фило-

Ким Игорь Ефимович – доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; kim@philology.nsc.ru); профессор Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия)

Силантьев Игорь Витальевич – доктор филологических наук, директор Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; silantev@philology.nsc.ru); профессор Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2017. № 4
© И. Е. Ким, И. В. Силантьев, 2017

логии: представление о сфере общения традиционно используется в социолингвистике, а дискурс охватывает самостоятельную область, именуемую теорией дискурса и дискурсным анализом. При этом понятие сферы общения определенно соотносится с понятием речевого жанра, а понятие дискурса согласуется как с понятием речевого жанра, так и с понятием речевого акта. Отметим также, что термин «дискурс» имеет некоторую «вирусную» активность, благодаря чему начинает использоваться по отношению к области, которая охватывается термином «сфера общения», и не только.

Проблема видится следующим образом: без детального теоретического исследования мы не можем с уверенностью сказать, характеризуют ли понятия сферы общения и дискурса исключительно разные традиции обозначения одного и того же коммуникативно-речевого феномена или между ними есть принципиальная разница, позволяющая использовать эти термины в рамках одного подхода или одной теории.

Прежде всего обратим внимание на то, что оба понятия обращены к коммуникативным ситуациям, или речевым событиям. Это означает, что исходным для них является представление о речевом событии, которое, приобретя перспективу «от отправителя речи», оформляется в речевое действие.

Можно говорить об антиномии речевого действия: оно индивидуально и уникально и в этом смысле представляет собой речевой поступок (М. М. Бахтин) и оно же является частью воспроизводимой речевой практики, именуемой также речевой деятельностью. Как факт практики речевое действие воспроизводимо и легко типизируется, но как речевой поступок оно уникально и представляет собой требующее энергии преодоление хаоса. Волевое, нравственное, эмоциональное и умственное усилие речевого поступка (его субъективное начало), преодоление косности общественной статики и хаоса неупорядоченного потока жизни сопровождают те определенные энергетические усилия, которыми порождается внешняя оболочка знака. Семиозис, таким образом, исполнен внутренней энергии преодоления инерции не столько материи, сколько коммуникативно-социальной среды, уже заполненной знаками.

Теория речевого поступка еще не создана, потому что она предполагает уникальность речевого события и должна опираться на представление о поступке в философском смысле, использованное неререфлексивно Э. Кантом в «Критике практического разума» [2015] и осмысленное в опубликованной посмертно работе М. М. Бахтиным [1986]. Ближе всего к разработке такой теории стоит литературоведение, однако современному литературоведению не хватает той открытой непосредственности филологических изысканий, которая характеризует раннюю постреволюционную эпоху, сформировавшую научное мировоззрение М. М. Бахтина. Непредсказуемость мира, пришедшая с социальными переменами, которые были вызваны русскими революциями начала XX в., породила прямое, не опосредованное идеологией и сложными формами общественного мировосприятия, отношение к миру, откуда и прямое полагание действия, верифицируемое только мерой ответственности субъекта, мыслимого М. М. Бахтиным как сознание, как внутренний процесс [Там же].

Но в философской, филологической и лингвистической традициях представлены теории речевых действий. В традиции аналитической философии сформирована теория речевых актов (Дж. Остин, П. Стросон, Дж. Серл, Д. Вандервекен, С. Крипке, Х. Патнэм и др.), переосмысленная в рамках лингвистики (М. Хэллiday, А. Дейвисон, Т. ван Дейк, в отечественной лингвистической традиции Н. Д. Арутюнова, М. Я. Гловинская, Е. В. Падучева и др.). Сам М. М. Бахтин заложил основы теории речевых жанров (генристики, жанроведения) [Бахтин, 1979], которая развивалась в работах Т. В. Шмелевой, К. Ф. Седова, В. В. Демтьева; исследование речевых жанров есть даже у А. Вежицкой. На базе про-

граммы изучения русской разговорной речи сформировалась современная отечественная коллоквиалистика (Е. А. Земская, Е. Н. Ширяев, Е. В. Красильникова, Л. А. Капанадзе и др.), которая, однако, в силу позитивистской установки Московской формальной школы, все-таки в большей степени представляет собой теорию языка, чем речи. Сложное развитие неориторики, стилистики, теории речевых жанров и коллоквиалистики привело к формированию речеведения.

Большое внимание коммуникативной ситуации уделяется в социолингвистике, особенно в микросоциолингвистике, оперирующей минимальными языковыми сообществами.

Важным понятием, характеризующим специфику речевого события и речевого действия, является понятие высказывания, которое активно используется и в теории речевых жанров, и в дискурсном анализе.

М. М. Бахтин называет высказывание «реальной единицей речевого общения» [Бахтин, 1979, с. 249], и задает его границу «сменой речевых субъектов» [Там же]. Высказывание «приобретает особую смысловую полноценность: в отношении его можно занять ответную позицию – с ним можно согласиться или не согласиться, исполнить, оценить и т. п.» [Там же, с. 252]. Таким образом, по М. М. Бахтину, главная характеристика высказывания, в отличие от предложения, – его коммуникативное задание, которое сам ученый показывает преломленным через коммуникативную реакцию адресата высказывания.

Аналогично высказывание определяется и в теории дискурса – как целостная единица общения, характеризующаяся базовыми свойствами информационной и интенциональной завершенности.

Универсальное качество информативности, по определению В. И. Тюпы, адекватно общегуманитарной парадигме: «Информация есть явление локального изоморфизма взаимодействующих систем» [Тюпа, 1996, с. 12]. При этом информативно не только дискурсивное соположение двух формально внешних по отношению друг к другу моментов – не менее информативно и соположение частей внутри целого, частей, которые это целое, охватывая их общими границами в дискурсе, вынуждает тем самым входить в отношения соположения. Это значит, что всякое высказывание внутренне диалогично уже в силу своей информативности: в нем сочетаются и взаимодействуют два плана – как представители «взаимодействующих систем» – план темы и план ремы.

Другой вектор коммуникативной завершенности высказывания определяется его интенциональностью. Интенциональная структура высказывания может рассматриваться в рамках достаточно сложной и многоуровневой модели, как, например, у П. Ф. Стросона [1986] (см., в частности, обзор проблемы интенциональности, составленный Т. Н. Ушаковой [Слово в действии, 2000, с. 28–39], а также [Макаров, 2003, с. 35–38]). Не углубляясь в общую теорию интенциональности, обозначим это понятие в его существенности для нашего исследования: интенция – это коммуникативное намерение, которым сопровождается высказывание в общении [Арутюнов, Чеботарев, 1993].

Интенций высказывания может быть несколько и много, они могут быть разнохарактерные и разноуровневые по отношению друг к другу. Обратное не работает: вне интенционального поля высказывание невозможно, оно тем самым теряет свой актуальный коммуникативный статус и превращается в абстрактное языковое предложение.

Понятие интенции соотносимо с понятием коммуникативной стратегии, которое в разных аспектах разрабатывается в коммуникативной лингвистике [Янко, 2001], риторике [Гойхман, Надеина, 1997] и нарратологии [Кузнецов, 2002; Тюпа, 2002].

Оба вектора коммуникативной завершенности высказывания – информативный и интенциональный – образуют его смысл. При этом неотъемлемым качест-

вом высказывания как дискурсивной единицы общения является его коммуникативная актуальность, его локализация в зоне актуальности коммуникативной ситуации. Сама зона актуальности может быть предельно различной.

Одной из главных задач любой теории, имеющей дело с коммуникативной ситуацией, является обобщение, типизация многообразия реальных коммуникативных ситуаций. В этом смысле понятия дискурса и сферы общения являются способами социальной типизации речевых событий.

Под *дискурсом* понимается устойчивая, социально и культурно определенная практика человеческого общения. Дискурс представляет собой открытое множество высказываний, как осуществленных, так и возможных, предсуществленных – однако не любых, а построенных в системе силовых социокультурных линий определенной сферы общения.

Существенным является вопрос об отношении дискурса и текста. Текст – это высказывание, проецированное (нередко при помощи какой-либо дополнительной системы обозначений и фиксации в иной, более устойчивой материальной среде) в рамки отложенной, отстоящей во времени или пространстве коммуникации, а значит, это высказывание, в котором его коммуникативная актуальность носит не столько наличный, сколько потенциальный характер. Иначе говоря, в тексте актуальность высказывания уходит в план его интенциональной структуры. Таким образом, неправильна формальная точка зрения, сводящая феномен текста только к моменту фиксации высказывания на каком-либо материальном носителе (бумаге, глине и т. п.) при помощи определенной системы обозначений (например, системы письма).

Высказывание и текст суть две стороны одного целого, но это две различно акцентированные стороны: высказывание коммуникативно актуально, текст – коммуникативно потенциален. Но в то же время это значит, что высказывание неотделимо от своего текста в силу самого принципа своего осуществления. Наиболее отчетливо это видно в пластическом искусстве: что в скульптуре высказывание и что ее текст? Другое дело, что высказывание, взятое в аспекте своей текстуальности, т. е. в своей обращенности к отложенной коммуникативной ситуации, может не вписаться в нее, не воплотить свой потенциал в смысл, свою интенцию в актуальность. И тогда высказывание умрет и текст станет его могилой и его памятником (это словечко, кстати, весьма характерно для традиции изучения древних культур и литератур – но именно потому, что в этих традициях имеют дело с мертвыми высказываниями и произведениями, мертвыми языками и дискурсами).

Таким образом, отношение дискурса и текста опосредовано моментом высказывания (ср.: [Карасик, 2000, с. 5]). Дискурс, как мы определяли выше, состоит из высказываний (это два первичных в своей природе коммуникативных феномена), и, вслед за высказыванием, продолжает себя и возобновляет себя в текстах. Следует учитывать качественную меру этой закономерности: понятно, что дискурсы устной сферы общения (повседневный, многие тематические и многие профессиональные) опираются по большей части непосредственно на высказывания, которые мало нуждаются в текстах. Понятно и обратное: дискурсы письменной культуры просто неосуществимы вне текстуального начала, поскольку сами высказывания изначально рождаются в текстах.

В принципе, дискурс как таковой идентифицируется в общем коммуникативном поле культуры и социальной деятельности постольку, поскольку реализует свою особенную, только ему свойственную коммуникативную стратегию, – некую общую и в то же время специализированную коммуникативную цель и соответствующие ей дискурсивные средства. Коммуникативная стратегия дискурса выступает доминантой, своего рода «гипер-интенцией» по отношению к интен-

циональным характеристикам жанров (напомним: типов высказываний), составляющих целое дискурса.

В характеристиках высказывания и дискурса мы не касались субъектов того и другого. Собственно кто и в рамках какой инстанции высказывается и в целом участвует в дискурсе – этот вопрос неоднозначный. Помимо сугубо личностного участия говорящего и слушающего в дискурсе, можно рассматривать и дискурсные роли, которые говорящий, с одной стороны, и слушающий, с другой стороны, принимают на себя в пространстве дискурса.

Близкое к дискурсной роли понятие формулирует М. Л. Макаров, говоря о коммуникативных ролях как «более или менее стереотипных способах поведения и взаимодействия в рекуррентных ситуациях общения» [Макаров, 2003, с. 217], однако это понятие задается исследователем не через начало собственно дискурса, а через антропоцентрическое начало «языковой личности» [Там же]. В принципе, связь определенного репертуара дискурсных ролей и языковой личности коммуниканта действительно становится значимой в публичных по своему характеру дискурсах (как мы это видим на примере дискурса журналистики).

В. И. Карасик также говорит о «статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных амплуа» дискурса [Карасик, 2000, с. 11]. Однако исследователь усматривает наличие таких «амплуа» только в институциональных дискурсах, мы же – и в «персональных», если пользоваться его терминологией.

В целом дискурсные роли, очевидно, соотносимы с жанровой системой дискурса, во всяком случае, реализуются они в рамках того или иного жанра и испытывают тяготение к интенциональной стороне этого жанра.

Принципиальная сложность коммуникативной деятельности человека и общества приводит к тому, что дискурсогенными факторами выступают многие и существенно различные по своей социально-коммуникативной природе явления и моменты.

Основным дискурсогенным фактором выступает социокультурный феномен *общности* людей. Мы совершенно намеренно выбираем столь нетерминологичное слово, поскольку нам важно подчеркнуть предельную широту этого критерия. Можно говорить об *институциональной* общности людей (сфера образования, наука, медицина, бизнес, бюрократия, политические партии, церковь и т. д., о *ситуативной* общности (очередь в магазине, компания в поезде, люди на автобусной остановке и т. д.), об *интерперсональной* общности: семья, дружеская компания, влюбленная парочка и т. д.), о предельно различной в своих проявлениях *субкультурной* (в том числе *культурно-возрастной*) общности (автомобилисты, болельщики, байкеры, городская молодежь, пенсионеры и др.). Общность может быть и собственно *персонального* характера, поскольку каждый человек склонен регулярно обращаться к самому себе в рамках определенного автокоммуникативного формата своей личности (в мечтах, в самоанализе, в стихотворчестве и т. д.). Наконец, общность людей может простираться не только в пространстве и времени *социальных, личностных и бытовых* отношений, но и в пространстве и времени *духовной культуры* и находить свои дискурсивные выражения в литературе, театре, кино, философии, религии и др.

Перечисляя типы и виды человеческих общностей, мы не ставим своей задачей предложить некую исчерпывающую панораму этого феномена, а стремимся показать широту его проявлений, существенных для образования и функционирования дискурсов.

В значительной степени связанным с первым фактором, но вместе с тем ни в коей мере не сводимым к нему выступает фактор *тематической целостности* дискурса. Сразу уточним: данный фактор включает в себя также определенную проблематическую и концептуальную целостность. Иначе говоря, речь идет о такой теме, которая является проблемной в том или ином отношении и которая

связана с определенным комплексом концептов в рамках определенной ментальности.

Как отмечалось выше, тематический фактор нередко оказывается связанным с фактором социокультурной общности. Простые примеры можно взять из сферы институциональных общностей, как правило, сопряженных с достаточно определенной тематикой дискурса (например, дискурс той или иной научной дисциплины). Пределом такого сопряжения являются собственно профессиональные дискурсы (железнодорожников, медиков, программистов и т. д.).

Еще одним дискурсогенным фактором, вступающим во взаимодействие с предыдущими факторами и в то же время принципиально не сводимым к ним, выступают *коммуникативные стратегии построения высказывания*, такие как собственно нарративность, интрига, авантюренность, пуантированность, агональность и др. В рамках конкретных высказываний коммуникативные стратегии могут порозному сочетаться друг с другом.

В принципе, всякий дискурс обладает своим характерным набором коммуникативных стратегий (и мы неоднократно обращали на это внимание в нашем анализе), но в данном случае – и этот момент мы акцентируем – некоторые коммуникативные стратегии сами выступают как ведущие основания для формирования определенных дискурсов. Таковы, в частности, *нарративный* и *агональный* дискурсы как таковые, но обретающие конкретные формы в сопутствующих институциональных сферах общения литературы, театра и кинематографа, с одной стороны, и политики и рекламы – с другой.

Таким образом, дискурсогенные факторы могут выступать основанием для образования и функционирования дискурсов в разных сочетаниях, а также в различной мере своей релевантности и интенсивности.

Под *сферой общения* понимается область жизни человека и общества, упорядоченная определенным видом деятельности и общения. Понятие сферы общения, или коммуникативной сферы, сформировано в социолингвистике для типизации нематериальных условий общения, а именно повода для общения и круга жизненных ситуаций, в рамках которых происходит общение.

Сложность описания любой сферы общения связана с тем, что это типизированные внешние условия общения, имеющие к его языковой форме только косвенное отношение. Поэтому специалисты по социолингвистике, функциональной стилистике и функциональной лингвистике в обсуждении понятия сферы общения обходятся, как правило, довольно общими словами и стараются как можно быстрее перейти к описанию самих коммуникативных сфер (ср., например, [Золотова и др., 1998]). Более того, абстрактность, нематериальность сферы общения часто приводит филологов к смешению сферы и экзистенциальных форм языка, то есть его подсистем, максимально приспособленных для функционирования в пределах сферы.

Как набор условий, сферу общения можно описать с помощью следующих характеристик:

1) типичный носитель языка (доминирующая среда общения). Как правило, для каждой сферы общения можно найти языковой коллектив, представители которого гораздо лучше общаются в данной сфере, чем представители других социальных страт. Это связано со специализацией сфер общения и выделением тех, кто общается в них регулярно. Так, в научной сфере общения наиболее приспособлены для коммуникации ученые, а в деловой – чиновники и менеджеры;

2) цель деятельности и общения представляет собой важный параметр сферы, поскольку сфера общения привязана к какой-либо области деятельности. Очевидно, что целей и у деятельности, и у общения может быть много, но есть наиболее весомые, которые часто определяют характер общения и поводы к нему. Так, бытовая (повседневная) сфера общения погружена в повседневную жизнедеятель-

ность, цель которой – воспроизводство человеческого существования на витальном уровне. Это во многом определяет характер бытового общения, в котором очень многие речевые действия просто воспроизводятся, так как сопровождают стандартные регулярные процедуры жизнедеятельности. Этот параметр важен во многих отношениях. Во-первых, им определяются поводы к речевой коммуникации, задающие стандартные темы общения. Во-вторых, многие аспекты речевого поведения зависят от того, ради чего осуществляется общение;

3) стандартные условия общения – это воспроизводимые или, по крайней мере, типичные физические и некоторые социальные компоненты коммуникативной ситуации: доминирующая фактура речи, количественный состав и социальное распределение коммуникативных ролей. Так, научное общение тяготеет к печатной фактуре и устной публичной речи, что связано с особенностями организации научного сообщества. А вот деловая сфера ориентирована на письменную коммуникацию. Этот фактор определяет, например, используемые речевые средства. Так, публичный характер научных конференций требует от носителя языка многочисленных ораторских умений;

4) картина мира, функционирующая в данной сфере, во многом определяет содержание коммуникации, особенности организации текста, принципы номинации и грамматические особенности. Специализация сфер деятельности и связанных с ними сфер общения привела к тому, что внутри них функционируют иногда очень сильно различающиеся картины мира. Так, в сфере художественной литературы действует так называемая художественная картина мира, которая привязана к мировидению автора и очень часто специфична. Общими чертами обладает картина мира, например, в нарративных текстах. Кроме того, картина мира существенным образом влияет на языковое выражение, поскольку способ выражения привязан к языковой картине мира, которая в разных фрагментах может быть разной. Это означает, что носитель языка должен отобрать те языковые средства, которые позволят отразить картину мира, господствующую в данной сфере.

Сущностные свойства сферы общения – это то, что присутствует в ней само по себе, реализуясь независимо от того, кто участвует в коммуникативной ситуации. Но по отношению к участнику коммуникации эти свойства преломляются в виде требований, которые он должен соблюдать при общении (ср.: [Аврорин, 1975, с. 75]).

Требования, предъявляемые сферой общения к участнику коммуникации, можно условно разделить на три категории:

- предписания (предпочтения);
- запреты (ограничения);
- разрешения (допущения).

Иногда запреты дополняют предписания в том смысле, что противоположное предписанному запрещается. Однако часто нечто оказывается предпочтительным, но и его противоположность допустима.

Требования распространяются по крайней мере на семь аспектов коммуникативного поведения:

- поведение, в том числе речевое;
- система жанров;
- структура текста и диалога;
- номинация;
- грамматика;
- внешнее оформление;
- типовое содержание.

Кратко прокомментируем каждую позицию.

Поведение, в том числе речевое, включает в себя особенности поведения, налагаемые сферой общения: социальное, невербальное, речевое. Для этого пара-

метра важно, кроме всего прочего, есть ли писаная норма поведения. Так, для делового общения сформированы протокол и нормы этикета.

Система жанров. Требования этого рода связаны с тем, есть ли теоретическое описание системы жанров и/или отдельных жанров; каковы стандартные жанры; есть ли уникальные или характерные для сферы жанры.

Требования к *структуре текста и диалога* зависят от того, есть ли теоретические описания и нормативные описания структуры; какова стандартная организация текста, рубрикация, композиция; есть ли принципы организации диалога, каковы объем и средства метатекста.

Требования к *номинации* включают в себя принципы номинации реалий, автора, адресата; различия в номинации разных классов реалий; особенности метаноминации: жанров, речевого поведения.

Требования к *грамматике* носят довольно определенный характер и иногда оказываются очень строгими, задавая в зависимости от сферы клише, шаблоны и даже формуляры. Кроме того, в них отмечаются особенности деривации.

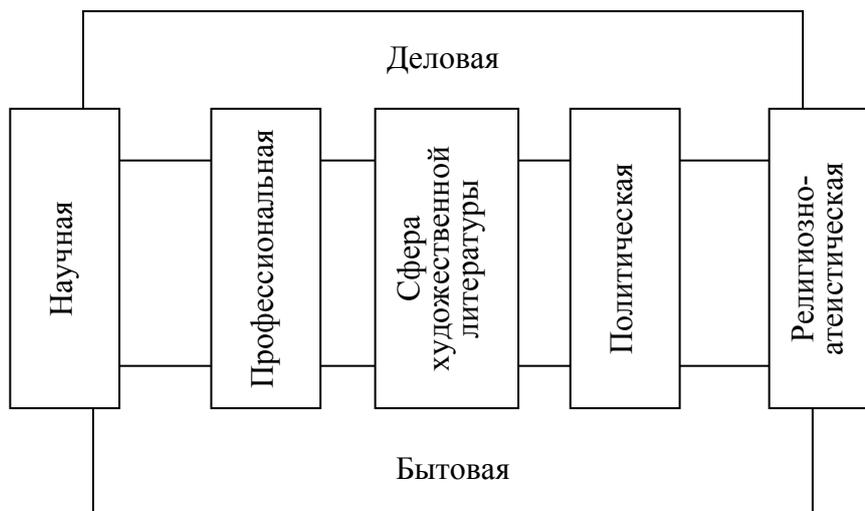
Внешнее оформление предъявляет требования к особенностям графики и фонетики, суперсегментной графики (в том числе орфографии) и произношения, параграфемике и суперсегментной фонетики, а также пространственного расположения элементов текста.

Типовое содержание связано с ограничениями в регулярно обозначаемых семантических сферах. Например, тексты политической сферы в значительной степени ограничены социальным содержанием.

В идеале сфер общения столько же, сколько и видов человеческой деятельности. В этом таится некоторая опасность: может возникнуть исследовательский релятивизм: сфер столько, сколько мы захотим увидеть. Поэтому список выделяемых сфер нередко оказывается отчасти умозрительным, отчасти определяется общими представлениями автора о видах социальных взаимодействий в изучаемом социуме. Так, например, в «Словаре социолингвистических терминов» [2006, с. 224] «в соответствии с видами человеческой деятельности выделяют такие С.<сферы> о.<общения>, как сферы образования, науки, культуры, массовой коммуникации, книгопечатания, промышленного производства, торговли, религии, транспорта, судопроизводства, сферы межличностного общения (бытовое, внутрисемейное, дружеское) и др.». В список же сфер общения В. А. Аврорина, описавшего языки народов Сибири и Дальнего Востока, носители которых имели традиционную культуру, вошли следующие сферы:

- хозяйственной деятельности;
- общественно-политической деятельности;
- быта;
- организованного обучения;
- художественной литературы;
- массовой информации;
- эстетического воздействия;
- устного народного творчества;
- науки;
- всех видов делопроизводства;
- личной переписки;
- религиозного культа [Аврорин, 1975, с. 76–77].

Исходя из коммуникативного опыта, некоторых общих представлений и организации подсистем русского языка (форм его существования) можно вывести для русской языковой практики следующую систему сфер общения.

Сферы общения в современном русском языке
Spheres of communication in modern Russian language

На рисунке выделено семь основных сфер общения, связанных с областями жизнедеятельности человека: бытовую (повседневную), деловую, научную, профессиональную, сферу художественной литературы, общественно-политическую (в нее будет входить, помимо всего прочего, еще и светская подсфера). Система сфер имеет иерархию престижа и, соответственно, степень культивированности. Наименее престижна и наименее культивирована бытовая сфера, наиболее престижна и регламентирована деловая сфера. Отметим, что престижность сфер имеет конкретно-исторический характер и может меняться от эпохи к эпохе. Так, в допетровскую эпоху максимально престижной была религиозная сфера общения, а функционирующий в ней церковнославянский язык был образцовым. Однако с петровскими реформами максимально престижной стала деловая сфера, особенно в ее письменной реализации, что отразилось на эталонах и идеалах речи XIX и середины XX вв. В периоды социальных перемен на короткое время престижными становились политическая, а в 90-е гг. XX в. даже бытовая сфера, однако в периоды стабилизации деловая сфера возвращала и продолжает возвращать себе приоритетность. Другие сферы образуют зоны пересечения друг с другом (что не удастся показать на плоской схеме), с деловой и прежде всего с бытовой сферами образуют дополнительные «полусферы». Так, на стыке научной и бытовой сферы или профессиональной и бытовой сфер появляется учебно-педагогическая подсфера с очень интересной диспозицией ролей.

Сфера общения – это некоторое социально-коммуникативное пространство, имеющее виртуальный характер, а связанная с этим термином типизация общения – это систематизация потенциальных и нематериальных условий общения, невидимого каркаса, в который помещается тело речи, непосредственная реальность языка. Виртуальность сферы общения приводит к тому, что ее типизирующие свойства проявляются не в виде готовых речевых формул и структур высказывания, а в виде системы требований к носителю языка, участвующему в коммуникативной ситуации внутри сферы. Носитель языка имеет возможность игнорировать или нарушать требования сферы, но должен быть готов к коммуникативным и социальным последствиям такого нарушения. Как видим, типизация речи, накладываемая сферой общения, носит вероятностный характер в гораздо большей степени, чем, например, типизация целостных языковых систем с помо-

щью понятия экзистенциальных форм языка и функциональных стилей. Масштаб неопределенности сопоставим с масштабом, который вносится типизацией с помощью понятия дискурса, где степень неопределенности задается наличием речевой стратегии и тактики.

Таким образом, различие, которое характеризует дискурс и сферу общения, носит не терминологический, а сущностный характер. Дискурс – это то, что происходит, сама речевая практика. Сфера общения – это типизированные условия общения и в том числе осуществление речевой практики.

Типизация, необходимая при любом научном описании, несколько размывает это важное различие. Однако мы можем убедиться в том, что не все, что относится к одной из исследуемых коммуникативно-языковых реалий, свойственно и другой.

Можно, например, сказать, что миром правят дискурсы. Но нельзя сказать, что миром правят сферы общения, потому что сферы общения – это сам мир, взятый в одном из отношений.

Дискурсы как специализированные сегменты общественно-языковой практики, как тип обращения текстов, надстраиваются над материальной и социальной практикой, иногда полностью вытесняя или подменяя ее. Дискурс, как и его проявление – речевое событие, высказывание, – живет в социальных условиях. Последние типизируют две стороны речевого события: человеческие общности, коммуникативные среды, как типы участников и их соотношений и сферы как области жизнедеятельности социума, внутри которых происходит общение. В одном и том же месте, в одно и то же время одни и те же участники могут совершать стремительные переходы из одной сферы общения в другую, даже не обозначив этот переход словесными формулами или телодвижениями. Эти переходы осуществляются посредством дискурсов, составляющих саму практику общения.

Список литературы

- Аврорин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка (К вопросу о предмете социолингвистики). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 276 с.
- Арутюнов А. Р., Чеботарев П. Г.* Справочник «Интенции диалогического общения и их стандартные реализации» (Проект «Банки методических данных»: каталог коммуникативных единиц, интенции) // Русский язык за рубежом. 1993. № 5-6. С. 75–82.
- Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.
- Бахтин М. М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник. 1984–1985. М.: Наука, 1986. С. 80–160.
- Винокур Т. Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980.
- Гойхман О. Я., Надеина Т. М.* Основы речевой коммуникации. М., 1997.
- Головин Б. Н.* Основы культуры речи. М.: Высш. шк., 1988. 320 с.
- Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Наука, 1998. 528 с.
- Кант И.* Критика практического разума. М.: Эксмо, 2015. 224 с.
- Карасик В. И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000. С. 5–20.
- Кузнецов И. В.* Проблема жанра и теория коммуникативных стратегий нарратива // Критика и семиотика. 2002. № 5. С. 61–70.
- Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
- Одинцов В. В.* Стилистика текста. М.: Наука, 1980. 263 с.
- Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. 312 с.

Слово в действии: Интент-анализ политического дискурса // Под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. СПб., 2000.

Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 151–170.

Тюпа В. И. Прологомены к теории эстетического дискурса // Дискурс – 2/96. Новосибирск, 1996. С. 12–15.

Тюпа В. И. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. 2002. № 5. С. 5–31.

Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001. 384 с.

I. E. Kim¹, I. V. Silantev²

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

¹ kim@philology.nsc.ru, ² silantev@philology.nsc.ru

Sphere of communication and discourse: terminological redundancy or the essential difference?

The paper discusses the relationship between the two terms used to denote similar phenomena in speech communication: the *sphere of communication* and the *discourse*. In Russian philology, the first term is used frequently in macro-sociolinguistics and general philology, and the other term is used in the discourse analysis. The ratio of both concepts with the most important concepts of speech communication – *speech event*, *speech act* and *utterance* has been revealed. The term *sphere of communication* is combined with the notion of *speech genre* (M. Bakhtin) and the concept of discourse with the same concept and the notion of the *speech act*, which is associated with the European philosophical and linguistic tradition. However, both terms are combined with the notion of utterance which is used in the Russian tradition by M. Bakhtin. The utterance has important qualities of informativity and intentionality.

The main conclusion of the study is that the discourse and *sphere of communication* represent different communicative entities.

Discourse is an open set of sentences, a type of speech practices that is limited with certain socio-cultural conditions of communication. Thus, the concept of discourse generalizes the utterance as a speech work, its communicative purpose and appropriate discursive tools. It means that the *discourse* is nothing more than direct speech practice limited by the type of the subject, the set of communicative goals, communicative strategies, and socio-cultural conditions.

The sphere of communication is one of the socio-cultural conditions of speech, the area of life, which surrounds the communicative situation. The reasons for the communication and social limitations imposed by the sphere of communication constitute an invisible frame, where the Procrustean bed of communication is placed. They set the «rules of the game». In addition, they influence the linguistic means used in such a way. The regular participation in a particular sphere of communication leads to the specialization of the language, for example to the formation of the functional style of the literary language.

Thus, the *sphere of communication* and the *discourse* are fundamentally different communicative phenomena. Their similarity is the result of their function of generalization of the communicative situation and their probabilistic existence.

Keywords: linguistic notion, discourse, sphere of communication, utterance, speech event, speech genre, speech act.

DOI 10.17223/18137083/61/15

References

Arutyunov A. R., Chebotarev P. G. Spravochnik “Intentsii dialogicheskogo obshcheniya i ikh standartnyye realizatsii” (Proyekt “Banki metodicheskikh dannykh”: katalog kommunikativnykh

- yedinit, intentsii) [Handbook “Intents of dialogic communication and their standard implementations” (Project “Banks of methodical data”: catalog of communicative units, intentions)]. *Russian Language Abroad*. 1993, no. 5-6, pp. 75–82.
- Avrorin V. A. *Problemy izucheniya funkcional'noy storony yazyka (K voprosu o predmete sotsiolingvistiki)* [Problems of studying the functional side of language (On the subject of sociolinguistics)]. Leningrad, Nauka, 1975, 276 p.
- Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. In: Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1979, pp. 237–280.
- Bakhtin M. M. K filosofii postupka [To the philosophy of the act]. In: *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki: Ezhegodnik. 1984–1985* [Philosophy and sociology of science and technology: Yearbook. 1984–1985]. Moscow, Nauka, 1986, pp. 80–160.
- Golovin B. N. *Osnovy kul'tury rechi* [Fundamentals of the culture of speech]. Moscow, Vyssh. shk., 1988, 320 p.
- Goykhnman O. Ya., Nadeina T. M. *Osnovy rechevoy kommunikatsii* [Foundations of speech communication]. Moscow, 1997.
- Kant I. *Kritika prakticheskogo razuma* [The critique of practical reason]. Moscow, Eksmo, 2015, 224 p.
- Karasik V. I. O tipakh diskursa [On the types of discourse]. In: *Yazykovaya lichnost': institucional'nyy i personal'nyy Diskurs* [Language personality: institutional and personal discourse]. Volgograd, 2000, pp. 5–20.
- Kuznetsov I. V. Problema zhanra i teoriya kommunikativnykh strategiy narrative [The problem of the genre and the theory of communicative strategies of the narrative]. *Critique and semiotics*. 2002, iss. 5, pp. 61–70.
- Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [The fundamentals of discourse theory]. Moscow, ITDGG “Gnozis”, 2003, 280 p.
- Odintsov V. V. *Stilistika teksta* [Stylistics of the text]. Moscow, 1980, 263 p.
- Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of sociolinguistic terms]. Moscow, 2006, 312 p.
- Slovo v deystvii: Intent-analiz politicheskogo diskursa* [Word in action: an intent analysis of political discourse]. T. N. Ushakova, N. D. Pavlova (Eds). St. Petersburg, 2000.
- Strawson P. F. Namerenie i konventsia v rechevykh aktakh [Intention and convention in speech acts]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, 1986, iss. 17, pp. 151–170.
- Tyupa V. I. Prolegomeny k teorii esteticheskogo diskursa [Prolegomena to the theory of aesthetic discourse]. *Discours – 2/96*. Novosibirsk, 1996, pp. 12–15.
- Tyupa V. I. Ocherk sovremennoy narratologii [Essay on contemporary narratology]. *Critique and semiotics*. 2002, iss. 5, pp. 5–31.
- Vinokur T. G. *Zakonomernosti stilisticheskogo ispol'zovaniya yazykovykh yedinit* [Regularities of stylistic use of linguistic units]. Moscow, Nauka, 1980.
- Yanko T. Ye. *Kommunikativnyye strategii russkoy rechi* [Communicative strategies of Russian speech]. Moscow, 2001, 384 p.
- Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, Nauka, 1998, 528 p.